

А. А. Мананкова

(Минск, Белорусский государственный университет)

**«МОНАДОЛОГИЯ» Г. В. ЛЕЙБНИЦА
КАК НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
КАРТИНЫ МИРА**

В различных русскоязычных источниках, в которых делаются попытки систематизации накопленного материала по картине мира, называются различные исследователи, с которыми связывают первое употребление термина. В их числе чаще всего фигурируют О. Шпенглер (см.: [1], [2]), М. Хайдеггер (см.: [1], [2]), Л. Витгенштейн и Л. Вайсгербер (см.: [3]), а также Р. Редфилд (см.: [4]). Довольно сложно сказать, когда именно началась непосредственная разработка концепта, а не просто его упоминание. Тем не менее, если выстраивать хронологическую последовательность, одним из первых действительно должен быть назван О. Шпенглер. Возможность вести отсчет от Шпенглера подтверждается и в западном анализе источниковедческой базы. Так, американский антрополог Майкл Кирни, автор нескольких серьезных исследований, посвященных картине мира, в своей статье «World view theory and study» [5] выделяет четыре этапа работы над термином в рамках антропологии, вплоть до момента, когда была написана статья (опубликована в 1975 г.). Первый этап он называет «formative» («образующий», «конституирующий») и причисляет к нему О. Шпенглера, а также Я. Буркхардта, Ф. Боаса, Р. Бенедикт, А. Л. Крёбера и Э. Сепира. М. Кирни акцентирует, что впервые разработкой термина занялись историки культуры. Именно история культуры и антропология были теми областями знания, в которых на начальном этапе становления термину уделялось наиболее значительное внимание.

Из антропологов, внесших наиболее значительный вклад в разработку вопроса, необходимо назвать Р. Редфилда. В своей статье «The Primitive world view» [4] он дает термину «картина мира» развернутое определение. С этого момента появляется множество интерпретаций понятия в различных областях знания: этнологии, психологии, философии, лингвистике и т. д. Как это часто бывает с базовыми теоретическими понятиями культурологии, термин имеет множество определений, отображающих те или иные его аспекты. Кроме того, выделяются различные подходы, при помощи которых характеризуют картину мира. Следует, однако, отметить, что несмотря на столь позднее возникновение научного термина «картина мира», на протяжении развития философской и культурологической мысли производились различные попытки концептуализации этого понятия. И хотя они могли и не быть артикулированы достаточно четко, зачастую мы

можем понять, что имеем дело не просто с исследованием механизма перцепций и т. д., а непосредственно с проблемой картины мира, хотя она и не названа напрямую. Не имея возможности подробно анализировать многообразие существующих определений, рассмотрим на примере определения Р. Редфилда, каковы необходимые компоненты любой концепции картины мира. Иными словами, наша задача – определить, в каких случаях речь идет о концептуализации картины мира, даже если сам термин «картина мира» не используется. Р. Редфилд утверждал: «It is the picture the members of a society have of the properties and characters upon their stage of action» [5, с. 30] («Картина мира – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, представления членов общности о самих себе, о собственной деятельностной активности в мире»). Эта дефиниция содержит в себе ключевые проблемные моменты и основные аспекты, касающиеся данного термина. Во-первых, Редфилд определяет субъект. Картина мира не может существовать сама по себе, непременно должен присутствовать субъект-носитель. Второй аспект – определение содержания картины мира. В статье Редфилда происходит утверждение картины мира как видения, т. е. некоторой перцепции. Действительно, если в самом общем виде суммировать существующие определения понятия, можно констатировать, что в большинстве из них речь идет о непосредственном содержании картины мира. Содержание это может быть различным по характеру и представать в виде: а) систематизированной суммы перцепций (понимание, во многом характерное для психологов; однако подобный случай мы отчасти наблюдаем у Редфилда); б) понятийного аппарата (такая трактовка характерна для представителей аналитической философии, логиков и лингвистов; к примеру, К. Айдукевич написал работу, которая носит название «Картина мира как понятийный аппарат» [6]); в) сферы значений и значимостей, аксиологической системы (в определенном смысле содержание картины мира в определении Редфилда также связано с аксиологией). Кроме того, используются различные комбинации указанных трактовок содержания картины мира. В-третьих, мы можем говорить о картине мира, когда речь идет о существующем у субъекта в той или иной форме представлении обо всем универсуме в целом. Будем называть это свойство концепций картины мира универсализмом. И наконец, в-четвертых, все концепции картины мира так или иначе подчеркивают системность представления универсума. В определении Редфилда это качество выражено скорее имплицитно, однако упоминание о том, что в рамках картины мира члены общества соотносят с миром свою деятельностную активность, также свидетельствует о построении некоторой системы, в которой субъект определяет свое место.

Если рассмотреть проект лейбницианской монадологии в соответствии с указанными критериями, можно прийти к выводу, что он является своеобразной новоевропейской концептуализацией картины мира. Обратимся к выделенным выше параметрам.

1. *Наличие субъекта.* Субъект-носитель картины мира выделяется при исследовании его взаимоотношений с миром. Для Лейбница монада сама по себе является одновременно и субъектом-носителем картины мира, и самой этой картиной, потому что картина в итоге конституирует субъект: «14. Преходящее состояние, которое обнимает и представляет собой множество в едином или в простой субстанции, есть не что иное, как то, что называется восприятием (перцепцией), которое нужно отличать от апперцепции, или сознания, как это будет выяснено в следующем изложении <...> 17. ...Ничего иного и нельзя найти в простой субстанции, кроме этого, т. е. кроме восприятий и их изменений. И только в них одних могут состоять все внутренние действия простых субстанций» [7]. Поскольку простая субстанция и есть монада, из этого утверждения следует, что единственным содержанием монады является некоторая сумма перцепций. Мы можем также сказать, что, поскольку это единственное ее содержание, монада сама по себе в самом общем смысле и есть сумма перцепций. Тем не менее Лейбниц проводит различие между разными типами монад. Философ утверждает: «19. Если бы хотели назвать душой все, что имеет восприятия и стремления в том общем смысле, как я только что пояснил, то можно бы все простые субстанции, или сотворенные монады, назвать душами; но так как чувство есть нечто большее, нежели простое восприятие, то я согласен, что для простых субстанций, имеющих только последнее, достаточно общего названия монад и энтелехий, а что душами можно называть только такие монады, восприятия которых более отчетливы и сопровождаются памятью. 20. Ибо мы в самих себе можем наблюдать такое состояние, в котором мы ни о чем не помним и не имеем ни одного ясного восприятия, как, например, когда мы падаем в обморок или когда мы отягчены глубоким сном без всяких сновидений. В этом состоянии душа не отличается заметным образом от простой монады; но так как это состояние непродолжительно и душа освобождается от него, то она есть нечто большее, чем простая монада» [7]. Таким образом, Лейбниц выделяет два типа воспринимающих субъектов: простая монада и душа. Простая монада имеет в себе только неясные, затемненные восприятия, тогда как душа обладает памятью и склонна к рефлексивным актам. В этом контексте уместна постановка вопроса о том, применительно к какому типу монад мы можем использовать термин «картина мира». Вероятно, логично будет установить его употребление в широком смысле (и тогда возможным субъектом-носителем будет в том числе простая монада) и в узком, когда под носителем картины мира мы понимаем только такие монады, которые Лейбниц называет душами.

2. *Содержание картины мира.* Этот параметр напрямую связан с предыдущим и зависит от того, о каком типе монад идет речь. Если мы имеем дело с простой монадой, то ее содержанием будут чистые впечатления, перцепции. На наш взгляд, их сумму правомерно называть картиной мира,

поскольку, несмотря на то, что перцепции эти неосознаваемы, они тем не менее, как было показано выше, имеют субъекта восприятия, а кроме того, даже будучи неосознаваемыми, представляют собой систему и репрезентируют, пусть и в неясной форме, всю Вселенную, весь универсум. Относительно же картины мира, образующей души, можно сказать, что она представляет собой не только перцепции, но и абстрактные идеи и рефлексии: «30. Равным образом через познание необходимых истин и через их отвлечения мы возвышаемся до рефлексивных актов, которые дают нам мысль о том, что называется “я”, и усматриваем в себе существование того или другого; а мысля о себе, мы мыслим также и о бытии, о субстанции, о простом и сложном, о невещественном и о самом Боге, постигая, что то, что в нас ограничено, в Нем беспредельно. И эти-то рефлексивные акты доставляют нам главные предметы для наших рассуждений» [7]. Далее Лейбниц разворачивает собственную гносеологию, говоря о том, каким образом души познают те или иные истины. Эти его рассуждения не касаются напрямую нашей проблематики. Тем не менее благодаря им мы можем констатировать, что, согласно Лейбницу, картина мира, которая является содержанием душ и конституирует эти души как субстанции, является суммой перцепций, но содержит в себе также элементы понятийного аппарата.

3. *Универсализм.* Лейбниц пишет: «Монада является постоянным живым зеркалом универсума» [7]. Таким образом, он сообщает, что в монаде представлена вся Вселенная. Здесь, однако, необходимо проследить диалектику взаимоотношений «картина мира – мир». Дело в том, что в самом начале своей работы Лейбниц утверждает, что «монады и суть истинные атомы природы, одним словом, элементы вещей» [7]. Исходя из этих двух утверждений, можно вывести положение о том, что мир состоит из элементов, каждый из которых содержит в себе целостный образ этого мира (и ничего более). В этом случае возникает вопрос о том, как Лейбниц понимает соотношение бытия и мышления. Б. Рассел утверждает, что немецкий философ представляет их как тождественные, что вполне согласуется с нашим выводом, основанным на сопоставлении приведенных выше утверждений: «Таким образом, – пишет английский философ, – Лейбниц пришел к отрицанию реальности материи и к замене ее бесконечными собраниями душ» [8, с. 703]. Картина мира, таким образом, совпадает не только с субъектом, но и с самим миром. Субъект, картина мира и мир в системе Лейбница тождественны друг другу.

4. *Системность.* Данный параметр картины мира реализуется в концепции Лейбница в принципе «предустановленной гармонии». Философ выстраивает сложную модель, которая основана на диалектике единства и множественности – отсюда системность, реализуемая при помощи введения инстанции Бога, благодаря которой монады становятся взаимодополняющими. Каждая из них отражает Вселенную целиком, но имеет лишь

один ясный фрагмент, который остается отчетливым только для этой монады: «51. Но в простых субстанциях бывает только идеальное влияние одной монады на другую, которое может происходить лишь через посредство Бога, поскольку в идеях Божьих одна монада с основанием требует, чтобы Бог, устанавливая в начале вещей порядок между другими монадами, принял в соображение и ее» [7]. Заслуга Лейбница здесь состоит в построении сложной системы, которая варьирует еще античную тему диалектики единства и множественности. Замкнутость монад как следствие интерпретации этой темы объясняет отсутствие для них возможности иметь идентичную картину мира. Каждый субъект, таким образом, является абсолютно уникальным: «9. Точно так же каждая монада необходимо должна быть отлична от другой. Ибо никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое и в которых нельзя было бы найти различия внутреннего или же основанного на внутреннем определении» [7].

Нам представляется целесообразным сопоставление, хотя бы в общем виде, «Монадологии» с работой М. Хайдеггера «Время картины мира». Хайдеггер анализирует новоевропейскую ситуацию, т. е. примерно ту же ситуацию, описание которой дал Лейбниц. Поэтому обнаружение определенного сходства между концепциями философов будет дополнительным аргументом в пользу того, что монадологию можно квалифицировать как проект картины мира.

Во-первых, для Хайдеггера, как и для Лейбница, большое значение имеет субъект-носитель картины мира. Здесь, однако, проявляется и самое радикальное отличие концепции Хайдеггера от концепции Лейбница: если у Лейбница субъект совпадает с картиной мира, то у Хайдеггера он принципиально ей противопоставлен. Для описания этой ситуации Хайдеггер вводит неологизм «по-став»: «Решающим фактом оказывается не то, что человек освобождается от прежних связей для бытия самим собою, а то, что сущность человека вообще преобразуется и человек становится субъектом. <...> Слово это именуется предлежащее, то, что будучи основой, собирает все вокруг себя как центра» [9, с. 146]. Во-вторых, содержанием картины мира у Хайдеггера также являются перцепции и идеи, т. е., с одной стороны, непосредственно воспринимаемые, чувственные параметры мира, а с другой – его смысловое наполнение. В-третьих, Хайдеггер, естественно, говорит об универсализме: его картина мира не просто охватывает весь мир, но сам мир становится картиной: «Образ мира, если понимать эти слова в существенном смысле, разумеет поэтому не какой-нибудь образ, сложившийся у нас о мире, а разумеет мир, постигнутый как образ» [9, с. 147]. Соответственно, это же положение обосновывает у Хайдеггера системность: картина предполагает определенный тип взаимосвязи между образующими ее элементами. В отличие от Лейбница Хайдеггер говорит о единой картине мира. Тема множества в единстве и, соответственно, уникальности каждого субъекта у него отсутствует.

Итак, исходя из всего вышесказанного, мы можем утверждать, что монадология является своеобразным проектом концептуализации картины мира, хотя Лейбниц и не пользуется этим понятием. В этом смысле картиной мира мы можем называть как отдельно взятую монаду, так и всю совокупность монад.

Все затронутые Лейбницем темы закладывают основы для дальнейшего их развития и интерпретации в философии XX в. – как начала, так и конца столетия. Рассмотрим некоторые из них. Если содержание сознания и само сознание образуют осознанные перцепции, то, по Лейбницу, ясные перцепции сходны с левинасовским гипостазисом. Монады замкнуты в своем видении, субъекты у Э. Левинаса замкнуты в своем существовании. Тема монад обретает экзистенциальное измерение. Здесь Левинас перекликается скорее с Хайдеггером. Тем не менее, для Левинаса, как и для Лейбница, важен темпоральный аспект, важно понятие памяти (см.: [10]).

Проект феноменологии Гуссерля также во многом связан с теорией Лейбница. Такое понятие, как интерсубъективность, связано с процессом преодоления ограниченности монад, т. е. этот проект также можно считать в определенном смысле интерпретацией картины мира (см.: [11]).

Ж. Делёз в работе «Марсель Пруст и знаки», лишая проблему экзистенциального измерения, переводит ее в план чистой семиотики. В качестве возможности преодоления ограниченности монад он предлагает обращение к искусству. Речь идет не о воспринимающем субъекте, а о тексте, который является монадой. Искусство в рамках данного проекта рассматривается как Другой (см.: [12]).

Литература

1. Осокин, Ю. В. Картина мира / Ю. В. Осокин, К. Б. Соколов // *Культурология : энциклопедия* : в 2 т. / под ред. С. Я. Левит. М., 2007. Т. 1. С. 904–908.
2. Микешина, Л. А. Картина мира / Л. А. Микешина // *Культурология : энциклопедия* : в 2 т. / под ред. С. Я. Левит. М., 2007. Т. 1. С. 908–911.
3. Руднев, В. Картина мира / В. Руднев // *Энциклопедический словарь культуры XX в. М.*, 2007. С. 175–176.
4. Redfield, R. The primitive world view / R. Redfield // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 96. 1952. № 1. P. 30–37.
5. Kearney, M. World View Theory and Study / M. Kearney // *Annual Review of Anthropology*. 1975. Vol. 4. P. 247–270.
6. Айдукевич, К. Картина мира и понятийный аппарат / К. Айдукевич. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/iphras/library/phnauk2/SCIENCE8.htm>
7. Лейбниц, Г. В. Монадология / Г. В. Лейбниц. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/leibnitz/mon.html>
8. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. М., 2008.
9. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // *Работы и размышления разных лет*. М., 1993. С. 135–167.

10. Левинас, Э. Время и Другой / Э. Левинас // Время и Другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. СПб., 1998. С. 21–104.

11. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/husserl/kartesiansche_meditationen.html

12. Делёз, Ж. Марсель Пруст и знаки / Ж. Делёз. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/del_mars/.

Т. Г. Румянцева

(Минск, Белорусский государственный университет)

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ТРАКТОВКЕ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Одной из задач историко-философских исследований является пересмотр целого ряда традиционных стереотипов в понимании места, сути и значения как отдельных знаковых персоналий, так и целых этапов в развитии европейской философской мысли. Это в значительной мере относится и к переосмыслению некоторых штампов, сложившихся в рамках отечественной историко-философской науки относительно немецкой классической философии, особенно учитывая то значение, которое ей отводилось в качестве одного из теоретических источников марксизма. Кратко хотелось бы остановиться здесь на следующих основных моментах.

1. Первый из них касается самого названия данной традиции, т. е. ее своего рода «идентификационной метки». Как известно, данное словосочетание впервые в научный оборот ввел Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1886). Затем оно перекочевало во все советские учебники и историко-философскую исследовательскую литературу. Кстати говоря, и сегодня в отечественных вузах читается курс «Немецкой классической философии», хотя его название не совсем соответствует содержанию этого курса. Имеется в виду следующее. Энгельс включал в немецкую классическую философию не только идеалистические системы И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля, но и материалистическое учение Л. Фейербаха. Последний, по словам того же Энгельса, существенно превзошел всех своих предшественников, став своего рода «посредствующим звеном» между философией Гегеля и теорией классиков марксизма. В данном Энгельсом названии было имманентно заложено идеологически ангажированное толкование значения немецкой классики как непосредственного теоретического источника марксистско-ленинской философии.